

18+

ЛИНА КИРИЛЛОВЫХ

Кусачие

Лина Кирилловых

Кусачие

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57488459

ISBN 9785005140432

Аннотация

Зверь, посаженный в клетку, всё равно остаётся кусачим – и отчаянно стремится к свободе, даже если ему (или ей) бежать некуда.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

12

Кусачие

Лина Кирилловых

© Лина Кирилловых, 2020

ISBN 978-5-0051-4043-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
– Люсенька, – позвал её старик. – Лусинэ.

Чадили факелы, и смутные тени сутулились: собака, медведь, слон... согнутый, как от прострела в пояснице, шипастый. Лусинэ вчера вспоминала, как выглядят звери. Запуталась. Забыла, какой формы уши у медведя, хотя картина всплывала: жёсткая когтистая ладонь Мариам, жаркий полдень, блестящие прутья. Липкие от шоколадного мороженого губы. Медведь смотрел из полумрака – гора апатичного чёрного меха. Мачеха старалась быть доброй. У неё это не получалось, припомнила вчера Лусинэ, но уши... что? Зачем ей уши? Старик Кара-оглы закашлялся. Он кашлял долго, с клочкотанием и хрипом, потом, глухо грохнув, упал. Лусинэ метнулась по холодному настилу, закричала. В своём вольере заворочалась Салли. «What's happened¹», – донеслось её сонное. «Не мешайте спать», – недовольно подал

¹ Что случилось? (англ.)

голос Егор. Поганый приспособленец, да есть ли у тебя хоть какие-то чувства, помимо любви к полной миске – Лусинэ барабанила в стены, и зритель уже должен был слышать шум. «Человеку плохо», – тот июльский день в зное и лжи Мариам вспыхнул ещё одним: пожилой женщиной на автобусной остановке. Она упала в обморок от духоты, и прохожие столпились вокруг, чтобы помочь. Мачеха велела Лусинэ закрыть глаза рукой, но та всё видела сквозь щели между пальцев. Как люди спасают друг друга.

– Дедушка Кара-оглы, пожалуйста!

Свет факелов шёл дрожью. Старик Кара-оглы не отвечал.

Ей снился Вэй Бао. Легенда, миф, он был во сне таким, каким бы мог существовать в реальности: невысоким и черноволосым, с морщинистыми руками крестьянина. Вэй Бао обращался к ней, говоря по-китайски. «Я не понимаю», – с отчаянием отвечала Лусинэ. Тогда Великий Сбежавший показывал ключ. Ключ менялся в его ладонях: ветка, ржавый гвоздь, куриная кость. «Человеческая сестра, ты не знаешь, как выбраться, но это до тех пор, пока не попробуешь», – что-то или кто-то перевёл слова для Лусинэ. Она проснулась. Горечь после сна отдавала трусливой надеждой. То, другое, наверное, тоже приснилось – но громкое шарканье звучало в ушах, эхом проходя через нары. Ресницы слиплись: призрак слёз был однозначен и жесток. Лусинэ приподнялась и села. Она нащупала кувшин и стала медленно

пить, капая водой себе на грудь. В заторможенной неряшливости скрывались тщетные остатки отрицания. Футболка свалилась с плеча. Лусинэ не стала её поправлять. Она встала и, приблизившись к прутьям, выглянула. Вольер Кара-оглы виднелся только краешком. В млечных утренних лучах там деятельно двигались туши. Двое шипастых возились в вольере, проводя уборку, чистили, скребли, перефыркивались. Смотритель неспешно шагал по дорожке, помахивая командирской палицей. Лусинэ загремела кувшином о прутья, рискуя огрести наказание.

– Где он? Где бабушка Кара-оглы?

Смотритель подошёл к ней и задумчиво замер. Чешуйчатое брюхо покачивалось. Лусинэ ткнула пальцем и злобно оскалилась. Смотритель надул рот-дугу в подобии уродливой улыбки. Он проявлял не веселье: командирская палица стукнула по прутьям в ответ, заставив их задрезать, а Лусинэ – отпрыгнуть. Смотритель отвернулся и продолжил путь. В вольере напротив к своей решетке подошла взъерошенная Салли. Жёлтые волосы сбились нерасчёсанными колтунами. Салли сказала: «Asshole²». Она продемонстрировала непристойный знак вслед смотрителю и посмотрела на Лусинэ с сочувствием.

– Его унесли. Без подробностей. Мне жаль, подруга. Он умер.

– Я знаю, – ответила Лусинэ.

² Ублюдок (англ.)

– Не вешай нос, Лу. Старика бы опечалили слёзы.

– Он попрощался, – это отчего-то было важным. – попрощался со мной. Я не спала и услышала. А может, не только со мной. Его покойную жену звали Людмила. Люся. Тогда... он не попрощался – приветствовал?

– В любом случае я так не хочу, – лицо Салли стало злым и жестоким.

– Ты не... – Лусинэ растерялась.

– Я не болею. Нет-нет. Я говорю, подруга, о другом. Мне тоже хотелось бы встретиться – с Диком, это мой пёс, он попал под машину, когда я ещё в школе училась. Но я не желаю вот такой экспресс на небеса. My fucking heaven train. Choo-choo...³ Я не желаю погибаться здесь. В сраной клетке.

– Мне снился Вэй Бао.

Лусинэ сказала невпопад, а потом увидела: нет, в точку.

Шипастый замер, разглядывая Лусинэ. Он был ещё мелким – детёнышем. Лусинэ показала язык, а затем, не дождав-шись реакции, изобразила гримасу, которую Салли именовала «очень хочется в туалет». I want a pee!⁴ Детёныш жевал полумесяцем рта. За ним к вольеру подошла мамаша. Дородная упитанная дама – тупая тварь, как все прочие. Мамаша положила лапу детёнышу на гребень. Тот что-то невнятно забулькал. Щитки на шее ходили взад-вперёд, и Лусинэ

³ Мой чёртов поезд в рай. Чух-чух... (англ.)

⁴ Я хочу писать! (англ.)

представила, как загоняет между ними нож. Шипастые пахли, как жжёные ногти. Лусинэ ненавидела. Она повернулась спиной, являя взгляду шипастых прорехи на выгоревшей старой футболке. Потом решительно стянула её через голову и подошла к долблёному корытцу. Хотите наблюдать, так пожалуйста: стирка.

– Ы-гы-гы-гы, – загоготал Егор.

Он некоторое время упрашивал Лусинэ обернуться. Та тёрла футболку золой и не слушала. Холодная вода сводила пальцы. Салли закончила делать зарядку и бухнула в стену, отделяющую её от Егора, ногой. Вольер сбоку от Лусинэ теперь был молчаливым, пустым. Ей не особенно хотелось думать, когда и кто туда поселится. Кого поселят, разумеется – и не поселят: запрет.

– Ну, что тебе стоит-то? Или сиськи из золота? Жалко?

– Piece of shit⁵, – сказала ему Салли с отвращением.

– Чё?

Прорехи на футболке чувствовались, как годовые зарубки. Эта – на днях Лусинэ неудачно повернулась во сне. Эта, под лопаткой – когда Лусинэ две или три недели назад запустила кувшином в шипастого, который дразнил её, просовывая через прутья палку: взмах руки был слишком агрессивен, даже в плече что-то хрустнуло. Эта, у шва сбоку – депрессивная тьма пятимесячной давности, попытки сначала обнять саму себя своими же руками, потом – попытки рас-

⁵ Кусок дерьма (англ.)

царапать. Эта, под воротом сзади – от цепкой хватки зрителя. Он втолкнул её в вольер, держа за шкурку, как котёнка, втолкнул без церемоний, без каких-либо слов. Но говорить по-человечески они и не умели – только шипели, рычали, ворчали и булькали. Они говорили по-своему.

– Дуры, – Егор не дождался ответа, обиделся.

Другие зарубки оставил Вэй Бао. В неизвестном вольере, где сидел когда-то: путаные иероглифы спасения. Он написал – и начертил рисунками для тех людей, кто не знает китайского – свой невероятный, наглый, дерзкий, хитроумный план. Лусинэ надела мокрую отжатую футболку и вытерла руки о шорты.

– Я не боюсь, – сказала она стоящей снаружи вольера семейке.

Егор жрал. Он уселся у прутьев, поставив миску между толстых волосатых ног, а снаружи толпились шипастые. Многие держали за обёрнутую листьями кость жареные на вертеле окорока. Шипастые просовывали купленный у зрителя корм через прутья, и Егор благосклонно принимал угощение. Шипастые шипели, выражая восторг. Егор жрал. Жир стекал ему до локтей, расплываясь на настиле кляксами. Круглое прыщавое лицо блестело от жира, как смазанное. Жидкая поросль на подбородке превратилась в мерзкие сосульки – Лусинэ чуть не вывернуло. Она демонстративно сплюнула на пол. Егор ничего не заметил.

Он мнил себя сиюминутным богом – обжорств и празднеств, а может, вечной сытости. Он выглядел убогим, омерзительным. И представлялся в той, свободной жизни гадко: она-нист с кучей похабных журнальчиков, безработный великовозрастный мамочкин сын. Шипастые, им восхищающиеся, казались редким эталоном скудоумия.

– Ты с ними ещё поцелуйся, – пробормотала Лусинэ саркастично.

Она взяла из своей миски мучнистый фрукт и пальцами стала снимать с него кожицу. Один шипастый из толпы отвлёкся: заметил Лусинэ и поспешил к её вольеру. Он протянул через прутья жареный окорок.

– Нет, спасибо, – Лусинэ отказалась.

Шипастый нетерпеливо тряхнул кормом и издал короткий уговаривающий звук. Лусинэ, покачав головой, вгрызлась в мякоть плода. Она любила мясо раньше. Было дело.

– Гррх-уу.

– Да отвали ты, тупоголовый варан. Сам ешь. Отдай Егору. Скройся.

– Гррх-уу.

– Я не голодная. И мне хватает фруктов.

Шипастый смотрел на нее жёлтыми щелками глаз.

– Подачки не нужны, – закончила разговор Лусинэ.

Шипастый убрал окорок и попятился.

Он не присоединился к кормящим Егора сородичам: поймал зрителя за гребень и экспрессивно застрекотал.

Смотритель поглядел на Лусинэ, которая угрюмо показала ему косточку фрукта. «Эта женщина меня не уважает, – перевела Лусинэ возмущение. – Накажите её. Сделайте что-нибудь». Смотритель махнул в воздухе лапой. Он пробулькал что-то, успокоившее посетителя, и убрёл. Шипастый вернулся к вольеру Егора, но, оборачиваясь время от времени, плялился. Каков кретин.

– Я принимаю твой дар, – чавкал Егор. – И твой. И твой тоже.

Смотритель вернулся со старым долблёным ведром. Фрукты лежали в нем горкой, белея налитыми боками. Шипастый посетитель, уже скормивший окорок Егору, подошёл к смотрителю и сунул лапу за щиток на горле. Он достал оттуда тускло блеснувшие трубочки. Получив взамен горсть фруктов, шипастый снова приблизился. Он аккуратно положил фрукты на настил возле прутьев. Лусинэ недоумённо смотрела. Шипастый внезапно прижал гребень к загривку – смутился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.